

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ИНТЕРЕСУЕТСЯ РОССИЕЙ И ПИШЕТ КНИГУ ОБ ЭДУАРДЕ ЛИМОНОВЕ

В декабре минувшего года в Фонтанном доме проходила очередная встреча из цикла под немудреным названием «Любить литературу». Проект задумал французский писатель Оливье Ролен. Помог ему в осуществлении задуманного Французский институт. Суть вот в чем: приезжает в Петербург какой-нибудь живой французский писатель и читает публике вслух отрывки из писателя уже умершего. Как бы сразу два в одном флаконе. Первым как раз и был сам Оливье Ролен (он почитал нам из Шатобриана). В этот раз мертвым автором был Ромен Гари, а живым чтецом — Эмманюэль Каррер.

Эмманюэль КАРРЕР:

Мне любопытно наблюдать вашу встряску

НЕСЧАСТЛИВАЯ, НО БЛЕСТЯЩАЯ ЖИЗНЬ

— Господин Каррер, спасибо вам за вечер. Ромен Гари — это выбор очень важный и для меня. «Обещание на рассвете» Романа Гари я помню еще со школы. Читали мы его там на уроках внеклассного чтения. До сих пор внутри что-то шевелится.

— Я не знал вообще-то, что Ромен Гари настолько известен в России. Конечно, хотелось поговорить о чем-то, что стало бы для людей открытием. Но и так, как получилось, — тоже не страшно.

— Вы выбрали Гари, потому что он вам интересен. А как вам кажется, есть у вас с ним какие-то общие мотивы в творчестве?

— Да нет, я просто его люблю. Можно ведь любить и вещи, которые не очень вам близки. Я относительно недавно познакомился с творчеством Гари, никаких пересечений у меня с ним не было, и лично я с ним знаком не был. Если не считать того, что видел его на рю дю Бак, когда он там прогуливался. Его лицо в последние годы перед самоубийством выражало глубочайшее отчаяние и погруженность в себя.

— Но не нашли ли вы в нем нечто родственное, как в близком человеке?

— То, что я в нем люблю, — его чувство юмора. Как только он начинает говорить высокопарно, в возвышенных чувствах — он сам же спускает себя до определенного уровня, сам критически и насмешливо оценивает себя. И вот это свойство, умение отстраниться и посмотреть на себя со стороны, — мне очень нравится.

Помните, у него в «Обещании» мать сулит ему карьеру Бальзака, Гюго или Мальро. И когда Гари перечислял их — конечно, Мальро был для него титан, недостижимый монумент. А сейчас, уже после смерти Гари, его самого оценивают гораздо выше — как мне кажется, именно благодаря гуманизму. И читает молодежь во Франции сейчас больше Гари. Ну, мне так кажется — статистику я не составлял.

— И все-таки, при всей красоте, «Обещание на рассвете» — об отношениях болезненных, тяжелых.

— Конечно. Если проанализировать как следует, там есть явно что-то невротическое. В какой-то степени жизнь ему испортили. Но это все равно была необыкновенная судьба, полная больших впечатлений и событий. Несчастливая, но блестящая.

— Наверное, такова была его плата за успех. Мне хочется теперь перейти от творчества Гари к вашему. Я о том, что

На фотографиях Каррер производит несколько демоническое впечатление бледной кожей и пронзительным взглядом темных глаз. В жизни он, напротив, имеет загар, глядит добродушно и вообще несколько похож на Фернандела — видимо, такой характерный французский тип. Романа Гари он читал, что называется, вкусно — увлекаясь и страстно изображая голосом диалог мальчика с матерью, да порой еще перемежал отрывки своими комментариями. После сеанса чтения Эмманюэль Каррер уделил мне несколько минут. Мы с писателем и переводчиком усадились на банкетки напротив гардероба. Тут-то мне достался шанс удовлетворить свое любопытство.

ваше творчество тоже касается болезненных проявлений человеческой жизни.

— Думаю, почву, на которой я работал, тоже можно назвать невротической. Долгое время настоящим неврозом и основным импульсом в работе для меня были потеря идентичности и ощущение того, что реальность ускользает. В моих книгах описано состояние, когда ты не чувствуешь себя в полной уверенности, что идешь по твердой почве. Такое было. С возрастом, я чувствую, в моем творчестве что-то меняется.

АВАНТЮРНО-ФИЛОСОФСКИЙ СДВИГ

— Вашу последнюю книгу «Другие жизни помимо моей» называют гораздо более доброй и милосердной, чем предыдущие. Расскажите, о чем она.

— То, что я описываю в этой книге, — реальные события. Их свидетелем я был на Цейлоне, в Шри-Ланке, во время жуткого цунами конца 2004 года. Я говорю о тех необыкновенных отношениях, которые завязываются между людьми в таких экстремальных условиях.

Написать что-то тогда, по горячим следам, — было невозможно, поэтому книгу я создал только сейчас. Переживания слишком сильные. Например, речь об отношениях с одной супружеской парой — мы завязали дружбу в этой поездке. Во время цунами утонула их маленькая дочь. Люди проявляют себя и лучшим, и худшим образом.

— Персонажи ваших книг — Филип Дик, например, — тоже переживают некий сдвиг относительно реальности. Как вам кажется — это что-то сродни сумасшествию или люди действительно способны изменять действительность вокруг себя?

— Что касается Дика — не знаю. Потому

что он провел всю жизнь, задавая себе именно этот самый вопрос: «Что есть настоящее?» И не мог на него ответить. История Дика — это история человека, который академические философские вопросы прожил внутри себя, как авантюрный роман. Это для него были вопросы жизни и смерти.

ВО ФРАНЦИИ ЖИВУТ СПОКОЙНО

— Вы знаете русский язык, у вас прекрасное произношение. Что вас связывает с Россией?

— Но только произношение — слов не хватает, — ответил Каррер по-русски. И продолжил: — У меня русские корни: мама родилась во Франции, но в русской семье. Она историк, специалист по истории Советского Союза и России. А я сам долго не интересовался Россией, потому что мне казалось, что это территория моей матери. И только

десять лет назад я начал часто приезжать в Россию. Снял документальный фильм «Возвращение в Котельнич» — о маленьком русском городке. Это был очень трогательный момент, может быть, один из самых важных в моей жизни. Есть и другие русские проекты.

— Какие, если не секрет?

— Я сейчас пишу небольшую книгу об очень противоречивом русском персонаже: Эдуарде Лимонове. Я был с ним знаком 30 лет назад, когда он жил в Париже. Не могу сказать, что я с ним согласен по многим вопросам. Но его судьба меня интересует. Он о моей книге знает и, кажется, довольно рад, что про него пишут во Франции.

— Но почему вы пишете, снимаете о России? Что вы тут находите?

— Знаете, у нас во Франции бывают всякие трудности. Но там живут довольно спокойно. И я сам живу очень спокойно. В России уже 20 лет назад, после падения коммунизма, началась совершенно иная историческая ситуация, такая встряска, которая меня страшно интересует. Мне любопытно наблюдать, как это происходит.

— А в Петербурге вы впервые?

— Нет, был один раз. Все друзья у меня в Москве, а в Петербурге никого нет.

— И как... не очень тяжело вам тут показало? — спросил я, неуверенно показывая за окно, где уже клубилась безумная наша питерская мгла и мороз крепчал. — Приезжайте, может, в белые ночи...

— Да нет, ничего. Конечно! Приеду!

Беседовал Федор ДУБШАН

Эмманюэль Каррер, может быть, не самый известный у нас писатель-француз. Но когда начинаешь знакомиться с его книгами — трудно оторваться от погружения в особый мир, мир поисков действительности, зачастую мучительных, и постоянной проверки жизни на прочность. Такое ощущение, что герои Каррера находятся словно во сне и то и дело щиплют себя: «не сплю ли и в самом деле?». Или, наоборот, погружаются в это безумие, в пучину ирреальности. При этом большинство книг Каррера написаны по мотивам подлинных историй, документальных сюжетов. «Вернер Херцог» — о знаменитом режиссере-исследователе. «Я жив, это вы умерли» — о Филипе Дике, одном из самых странных фантастов-провидцев. «Изверг» — история чудовищного самообмана, рассказ о причинах, которые могут заставить человека убить жену, детей и родителей... Можно не продолжать, наверное.